

Аналитический доклад

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ–2020: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ»

Алматы

2012

Если сделать обзор материалов по рассмотрению и прогнозированию ситуации в Центральной Азии, то можно заметить, что они в своем подавляющем большинстве готовятся экспертными центрами и авторами, представляющими страны Запада и Россию, и конструируют различные варианты будущего ЦА, исходя из собственных видения, подходов и способов анализа. «Грешат» такие сценарии, прежде всего, идеологической предвзятостью, а также использованием оценочного подхода при описании тех или иных процессов, протекающих в регионе.

В этих условиях ощущается острый дефицит в анализе ситуации в регионе со стороны местных экспертов. К сожалению, за последние 20 лет мы (страны Центральной Азии) так и не сформировали о себе целостного видения. Нередко на экспертном уровне имеет место апеллирование к внешним оценкам без соответствующего их критического восприятия. При этом сохраняется преувеличение значения внешних факторов без полноценного учета внутренних процессов, которые зачастую и определяют тот или иной вектор изменений.

В целом, существует широкий спектр вопросов, на которые страны ЦА должны научиться давать собственные ответы:

Что представляет собой Центральная Азия сегодня? Каковы основные характеристики геополитической борьбы в регионе, и происходит ли она вообще? Сформировалось ли представление о региональных интересах? Какими видятся главные угрозы безопасности в регионе? По каким сценариям можно прогнозировать развитие ЦА в следующие несколько лет?

Далее представлен аналитический доклад по результатам экспертного обсуждения, проведенного в рамках дискуссионного клуба «Алатау». В этом документе осуществлена попытка сформировать обобщенный взгляд на ситуацию в регионе глазами аналитиков, представляющих страны Центральной Азии. К дискуссии были приглашены эксперты из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и России, специализирующиеся на внешнеполитической проблематике. Необходимо отметить, что позиции экспертов по многим вопросам не совпадали, даже оказывались противоречащими друг другу, что вполне ожидаемо с учетом представляемых ими стран, организаций (государственные или частные) и аналитических школ. Тем не менее, общее видение, все-таки, проявлялось, что и отражено в предлагаемом документе.

Еще раз к вопросу о терминологии

После распада Советского Союза странами центральноазиатского региона закономерным образом была произведена переоценка собственной роли как субъектов геополитических и международных отношений, что помимо прочего отразилось на их региональной самоидентификации. Произошел отказ от закрепленного в советский период самоназвания региона «Средняя Азия и Казахстан» в пользу определения «Центральная Азия». По прошествии 20-ти лет определение «Центральная Азия» стало общеупотребимым, обозначая геополитическое пространство, куда входят пять государств бывшего СССР – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. (Впервые предложение о переименовании региона было озвучено Н. Назарбаевым, которого поддержали лидеры других стран ЦА).

Однако вопрос регионализации Центральной Азии еще не закрыт. В последнее время получили распространение различные толкования наименования региона и его возможных границ. В частности американскими геостратегами и западноевропейскими политологами продвигается понятие «Большая Центральная Азия», рассматривающее регион шире его традиционного понимания: кроме 5 бывших союзных республик в Большую Центральную Азию стали включаться Западная часть Китая (Синьцзян), Монголия, северные районы Ирана и Афганистана и Кавказ. При этом, как отмечают эксперты, термин БЦА не является новым, он озвучивался и использовался уже сто лет тому назад («Макиндеровский хартленд»).

По оценкам российских экспертов, все имеющиеся варианты новой регионализации Центральной Азии во многом связаны с умозрительными конструкциями и попытками форматировать Центральную Азию крупными мировыми державами в своих геополитических интересах. Эти эксперты предлагают отделять терминологию *внешнего, международного употребления* от *внутреннего, евразийского* понимания границ региона. Однако не все эксперты согласны с попыткой противопоставить евразийское и американское понимание границ Центральной Азии, поскольку США имеет ясное представление о каждой отдельно взятой стране региона, и в реальной политике никогда их не спутает.

На международном уровне любое из этих названий считается экспертами корректным. Во внутриевразийском употреблении, по мнению некоторых экспертов, сейчас доминирует российский взгляд, которому характерен советский подход с делением региона на Среднюю Азию и Казахстан. Таким образом, эксперты признают, что со стороны главных международных игроков продолжается навязывание собственного видения характеристик центральноазиатской региональной общности.

При этом эксперты называют и другие подходы, в зависимости от которых размеры региона также будут расширяться или, наоборот, сужаться. К примеру, в рамках историко-цивилизационного подхода регион охватывает обширную территорию, некогда представлявшую собой единый хозяйственно-культурный комплекс, и исторически сохранившую по сей день гуманитарные и культурные связи. Это не только 5 государств бывшего СССР, но и Пакистан, Афганистан, Синьцзян, Монголия, Южная Сибирь. С геоэкономической точки зрения регион начинается от Южно- и Западно-Сибирских регионов России и заканчивается, условно, в портах Ирана. Существует также инфраструктурный подход, при котором регион объединяется в единый энергетический, водный и транспортный комплекс. Таким образом, правильным представляется использование терминологии с учетом каждого из этих подходов.

Для самих стран, по мнению экспертов, важно сформировать собственное видение региона, а не оставаться в плену чужой парадигмы восприятия. С этой точки зрения снимается вопрос о корректности используемой терминологии, так как бесполезно спорить о том, кем мы являемся для США, России или Китая. В любом случае, нас будут называть так, как этого требует геополитическая целесообразность и интерес конкретной державы в тот или иной ситуации.

Более продуктивной представляется дискуссия о том, насколько регион и отдельные страны обладают субъектностью в общемировом масштабе, каково реальное состояние внутрорегиональных связей (экономических, политических, социокультурных и пр.), позволяют ли складывающиеся сейчас между странами региона

отношения говорить о формировании региональной идентичности, готовы ли режимы центральноазиатских государств к осознанию общих интересов и их реализации.

Центральная Азия и мировые державы

Центральная Азия рассматривается как регион, где пересекаются интересы, как минимум, трех мировых держав – России, США и в последнее время Китая. При этом принято считать, что между этими державами существует жесткая конкуренция за доминирование в регионе. Не случайно большое внимание в экспертной среде уделяется вопросу сохранения баланса между интересами трех стран, нарушение которого оценивается как угроза для стабильности ситуации в регионе.

С таким подходом согласны не все эксперты. Есть мнение, что регион сам по себе расположен на периферии интересов мировых держав, поэтому зачастую разговоры о китайском или американском факторе в Центральной Азии носят гиперболизированный характер и являются возвратом к мифологии 1990-х годов. Для этой части экспертов более реалистичным кажется, что интерес крупных держав в регионе представлен чаще отдельными компаниями (ТНК), которые решают свои локальные задачи, а не странами.

Тем не менее, наличие геополитической игры (большой или малой) в регионе признается всеми экспертами. Близость региона к международным «осям зла», расположение между Китаем и Россией, запасы минеральных ресурсов – эти и другие факторы гарантируют региону стабильный интерес со стороны крупных игроков.

Один из главных вопросов, который задается экспертами при обсуждении геополитической ситуации в ЦА, – это вопрос о доминирующей геополитической силе в регионе. Выяснилось, что преобладают две точки зрения по этому поводу:

По первому мнению, в регионе управляют по общей договоренности две мировые державы – США и Россия. При этом управление происходит, прежде всего, на гуманитарном уровне («управление смыслами»), когда формулируется и задается повестка дня для всего региона в целом. Условно, если США действуют через Голливуд, формируя картину мира, то Россия стремится влиять на регион через управление антропотокотом (включающим в себя гуманитарные, языковые, миграционные направления, апеллирование к общей истории). В данной схеме экономика и политика – это уже второй, менее важный, уровень. С этой позиции Россия и США ведут в регионе согласованную игру, основанную на учете интересов друг друга.

Другим экспертам более вероятным кажется «заговор» иного порядка, между США и Китаем. Россия при таком глобальном раскладе просто встраивается в уже существующую схему для решения локальных задач.

Вместе с тем, по оценкам отдельных экспертов, нельзя исключать и другие геополитические расклады в ЦА. К примеру, рассматривается такой вариант, что США потеряли интерес к Центральной Азии и сосредоточили усилия в Большой Центральной Азии, где ключевой страной выступает Афганистан. В этой ситуации инициативу в регионе может захватить Китай, который является основным экономическим партнером стран Центральной Азии, особенно в нефтегазовом секторе.

С геоэкономической точки зрения в регионе параллельно протекают два глобальных процесса «сшивки и растяжения». Сшивка происходит через северо-восточную часть региона, включая Казахстан и Сибирь (проекты Таможенный Союз, ЕЭП). Растяжение региона – это китайские и западноевропейские проекты, объединяемые под названием «Великий Шелковый Путь». Именно эти два процесса сшивки и растяжения, по мнению отдельных экспертов, определяют экономическое развитие региона на ближайшие несколько лет.

Далее предлагаем рассмотреть видение экспертов относительно складывающихся отношений между Центральной Азией с каждым из трех основных игроков.

Регион и Россия

Последние 20 лет характеризовались нивелированием позиции России в регионе. Однако в настоящее время эксперты отмечают попытки России по усилению собственного влияния в Центральной Азии, прежде всего, через реализацию новых интеграционных проектов на территории бывшего СССР. Движение в этом направлении уже сейчас проявляется в экономической и военно-политической сферах сотрудничества России со странами Центральной Азии. Конечная цель проекта – Евразийский Союз – новое политическое и экономическое объединение, где Россия отводит себе главенствующую роль. При этом действия российских властей по созданию Евразийского Союза зачастую носят форсированный и принудительный характер, что признают и российские эксперты.

Таможенный Союз, Единое Экономическое Пространство – это первые этапы плана России по восстановлению своих позиций на постсоветском пространстве. Далее стоит задача по максимальному расширению границ Евразийского Союза. Но на сегодняшний день в процесс интеграции с Россией из стран региона активно вовлечен только Казахстан. Поднимается вопрос о возможном вступлении в Таможенный Союз Кыргызстана, но вхождение этой страны в организацию в ближайшей перспективе вряд ли возможно. Другие страны Центральной Азии пока придерживаются выжидательной позиции – не отказываются от интеграции, но при этом и не стремятся туда, "сломя голову". Более или менее проявленной представляется позиция Узбекистана, который, по словам экспертов, считает нецелесообразным свое участие в евразийских интеграционных проектах. Последовательным шагом в этой связи является и выход РУ из ОДКБ.

Таким образом, интеграция постсоветского пространства на новых основаниях – это ключевое направление внешней политики России в ЦА в ближайшие несколько лет. Важность этой политики для России, по мнению экспертов, носит исключительный характер, так как это не просто реализация Россией своих имперских амбиций, а вопрос ее выживания и дальнейшего сохранения в глобализирующемся мире. Однако результаты интеграционных усилий России пока не очевидны, они включают в себя больше элементов пропаганды и деклараций, а не реальных шагов.

Регион и Китай

Рассматривая «китайский фактор», эксперты исходят из постулата о неизбежности его присутствия в регионе. Это обусловлено, во-первых, особенностями экономического развития Китая, испытывающего в связи с динамичным ростом огромную потребность в энергоресурсах, в минеральном сырье, рынках сбыта

продукции и т.п. Не случайно во взаимодействии с центральноазиатскими странами Китай делает главный акцент на экономическом сотрудничестве. Показателен пример с ШОС, который другими его участниками воспринимается как организация с сильной военно-политической составляющей, существующей в качестве противовеса НАТО, а для Китая – это, прежде всего, экономическая структура.

Во-вторых, Китай очень сильно заинтересован в сохранении стабильного западного приграничья. Любая дестабилизация в центральноазиатском регионе несет серьезные угрозы для безопасности самого КНР. Поэтому внешняя политика Китая в отношении Центральной Азии ориентирована на тесное взаимодействие с режимами региона.

При всем внешнем прагматизме политики Китая, проводимой в центральноазиатском регионе, у экспертов нет однозначного понимания ее целостной стратегии. К примеру, инвестиционная политика Китая вызывает у экспертов много вопросов. КНР вкладывает сюда огромные средства, но не предпринимает никаких действий, чтобы обезопасить свои инвестиции и обеспечить возврат вкладываемых средств. Эксперты предполагают, что Китай либо изначально уступчив и не способен отстаивать свои позиции, либо ведет какую-то другую игру по известной только ему схеме, непонятной для внешнего окружения.

Дискуссионным остается вопрос о возможной китайской экспансии. С одной стороны, вероятность захвата со стороны Китая – это миф, страшилка, которая давно гуляет по миру. Если бы Китай преследовал цель экспансии, то начал бы с соседней Монголии, чего пока не наблюдается – аргументируют свою позицию эксперты.

С другой стороны, у отдельных экспертов есть ощущение, что у современного Китая постепенно пробуждаются имперские амбиции. Верным признаком империалистических устремлений Китая является его попытка гуманитарного воздействия на уровне региона. Показателен случай с официальной регистрацией Китаем эпоса «Манас» в ЮНЕСКО как китайского народного достояния. «Приватизации» подвергся Чингиз-хан, который признан на официальном уровне одним из величайших китайских императоров. Поэтому, по прогнозам экспертов, в ближайшее десятилетие мы станем свидетелем перерождения Китая – превращения его из благодушного соседа в прагматичную и жесткую империю.

Регион и США

Одним из факторов усиления или ослабления роли США в Центральной Азии является возможность вывода ими войск из Афганистана к 2014 году. По мнению экспертов, несмотря на соответствующие заявления руководства этой страны, американцы вряд ли покинут регион в ближайшей перспективе. Слишком важное геополитическое значение имеет регион для США, и этот шаг будет неэффективен с прагматической точки зрения. В случае конфликтов в регионе Афганистан представляет собой идеальное место для дислокации военных сил западных держав. Поэтому вывод войск, если он даже осуществится, будет иметь частичный характер. Кроме того, как полагают отдельные эксперты, у американцев в Афганистане есть и конкретные бизнес-интересы – продажа электрогенераторов, производство наркотиков. К тому же, охрану стратегически важных для США объектов в Афганистане предположительно будут осуществлять сотрудники частных военных и разведывательных компаний (уже сегодня 60% состава ЦРУ -

контрактники, а в Афганистане действуют около 30 ЧВК и ЧРК с американским присутствием).

Вместе с тем, эксперты отмечают, что Афганистан интересен для США не только как гипотетический плацдарм для дислокации военных сил или для бизнес-интересов. Военно-политическое присутствие США в Афганистане позволяет Вашингтону серьезно влиять на геополитический процесс в Большой Центральной Азии, оказывая геостратегическое давление сразу на Россию, Китай и Иран.

В целом, США, в оценках экспертов, занимает тактически выигрышную позицию в Центральной Азии. Ни Китай, ни Россия на сегодняшний день не ведут на системном уровне ту работу с интеллектуальной и политической элитой региона, которую с высокой результативностью проводят США. В целом, обладая более широким перечнем инструментов влияния и проявляя последовательность в своей политике, США в ближайшее время оставляют все шансы для сохранения своей доминирующей роли в ЦА.

Таким образом, основной особенностью геополитической ситуации в регионе остается неизбежное присутствие интересов нескольких мировых игроков. Кроме Китая, России и США эксперты также называют Иран, Индию, Турцию, Пакистан и страны Европы в качестве потенциальных игроков в региональных процессах в Центральной Азии. Главной стратегией, которой придерживаются режимы региона в этой ситуации, по-прежнему, остается лавирование между интересами супердержав, проведение многовекторной и многоуровневой внешней политики.

Особенности внутрирегионального сотрудничества

По оценкам экспертов, между странами ЦА наблюдается только видимость тесного сотрудничества в военно-политической и экономической сферах через организации вроде ШОС и ОДКБ. Однако в реальности уровень внутрирегионального сотрудничества оставляет желать лучшего.

Как отмечалось, ОДКБ и ШОС были созданы для решения определенных тактических задач (в основном, дипломатического характера), при этом события в Кыргызстане 2010 года показали, что в случае возникновения реальных угроз безопасности эти структуры оказываются неэффективными. В этой связи у экспертов преобладает скептическая оценка относительно дальнейшей роли этих организаций как механизма повышения внутрирегионального сотрудничества («ОДКБ - клуб подготовки военных кадров», «ШОС – китайский зонтик»).

Эксперты, рассматривающие ситуацию в ЦА с точки зрения «борьбы за региональное лидерство», считают лидерами региона Казахстан и Узбекистан. При этом, по мнению специалистов, сложилось устоявшееся позиционирование этих стран, как конкурентов. Такая ситуация мешает развитию двусторонних отношений, ведь два сравнительно сильных государства в Центральной Азии должны вести не соперническую, а согласованную политику, чтобы обеспечить стабильность региона.

Однако на уровне руководства стран такое понимание, по мнению экспертов, отсутствует. Более распространено пренебрежительное отношение: «чем слабее сосед, тем я сильнее». В этой связи эксперты говорят о процессе хаотизации в регионе, выражающейся в отсутствии общих стратегий и задач. Каждое государство

думает и принимает решение, исходя исключительно из собственных интересов, ни одна страна не готова нести ответственность за ситуацию в регионе в целом.

По мнению некоторых других экспертов, идея «регионального лидерства» для ЦА – устаревшая концепция. Но даже если борьба за лидерство существует, именно соперничество и конкуренция, в случае если они примут системный характер, могут стать основой для структурирования региона.

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос о причинах роста обособления в регионе.

Во-первых, существует мнение, что превращение региона в организованную структуру не выгодно США и России, и эти государства проводят целенаправленную политику по принципу «разделяй и властвуй». Управлять разобщенными субъектами всегда проще, чем выстраивать отношения с сильным союзом стран.

Для иллюстрации эксперты приводили в пример ситуацию, когда к концу 1990-х годов позиции России в центральноазиатском регионе постепенно ослабевали, и Узбекистан изменил свой внешнеполитический вектор в сторону Запада. В апреле 1999 года президент РУ И.Каримов предложил НАТО установить более тесное сотрудничество, а спустя месяц заявил о выходе Узбекистана из Договора о коллективной безопасности и поднял вопрос о целесообразности присутствия российских войск в Таджикистане. Также Ташкент и Бишкек выступили с консолидированной позицией по проведению переговоров с афганскими талибами. При этом, можно предположить, что руководство Кыргызстана и Узбекистана не могло столь демонстративно не считаться с интересами России, если бы не получили некие гарантии Запада, крайне заинтересованного в изменении геополитической ситуации вокруг Афганистана. Когда осенью того года Ахмад Шах Масуд (единственный, кто продолжал бороться с талибами в Афганистане) остался без внешней подпитки, боевики неизвестного «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ) вошли с территории Таджикистана сначала в Кыргызстан, а затем весной 2000-го – в узбекскую часть Ферганской долины. Это вторжение имело самые серьезные последствия для всей региональной системы безопасности Центральной Азии. Столкнувшись с хорошо организованными боевыми формированиями, Ташкент и Бишкек срочно обратились за помощью к Москве. Изменение их внешнеполитической ориентации вновь в корне поменяло геополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе к началу 1999 года.

Во-вторых, практически все эксперты утверждают об усилении в регионе тренда на самоизоляцию и дезинтеграцию, что отражает достаточно объективный запрос элит и общественного мнения в странах региона на укрепление национальных государств. Несмотря на общее историческое прошлое, между странами остается все меньше и меньше оснований для сближения. И эта тенденция будет усиливаться по мере отдаления от советского периода истории и смены поколений. Об этом свидетельствуют показатели внутрорегионального сотрудничества в экономической и гуманитарной сферах, которые неуклонно снижаются.

В-третьих, в странах региона сформировались авторитарные режимы, при которых интересы государства часто подменяются интересами отдельных элитных групп. При таких режимах не может быть и речи о выработке общерегионального интереса, так как это автоматически предполагает отказ авторитарных лидеров от части своих

полномочий и утрату ими свободы действий. Поэтому все интеграционные инициативы в ЦА на сегодняшний день не более чем идеологическая ширма.

Проблема взаимодействия стран региона проявляется не только на концептуальном уровне, но и при выстраивании двусторонних отношений между отдельными странами. Так, нерешенными остаются многие вопросы в сфере водопользования, энергетики и транспортного обеспечения, ощущается огромный дефицит в совместных разработках и инфраструктурных проектах. Проблема во многом заключается в элементарном отсутствии действенных каналов обмена мнениями между странами. Кроме этого есть проблема оторванности экспертных кругов стран от центров принятия решения. Хотя, по утверждениям узбекских экспертов, в Узбекистане связь между госаппаратом и экспертными кругами достаточно налажена.

Также в отношениях между отдельными странами региона существуют зоны потенциальных конфликтов. Наибольшую напряженность создает Рогунская ГЭС, строительство которой воспринимается руководством Узбекистана, как покушение на национальную безопасность страны. Таджикистан занимает непримиримую позицию и намерен любыми способами достроить ГЭС, что является для него в свою очередь одним из национальных экономических приоритетов. Продолжающиеся споры вокруг этого вопроса красноречиво свидетельствуют о недоговороспособности элит двух республик. Эксперты отмечают, что Узбекистан будет вынужден пойти на крайние меры, если строительство ГЭС все же завершится (или, когда станет очевидной возможность завершения строительства). Т.е. сложилась крайне напряженная ситуация между двумя соседними государствами региона. При этом эксперты говорят о двоякой позиции, которой придерживаются в этом спорном вопросе российские власти, которые в Душанбе говорят о важности проекта для экономики Таджикистана, а следом, в Ташкенте, выступают против строительства ГЭС.

При всей очевидности фрагментации региона, большинство экспертов настаивает на необходимости сближения и объединения стран Центральной Азии. Есть убеждение о прямой зависимости степени интегрированности региона с уровнем его развития и защищенности от внешних угроз: *«Если мы хотим, чтобы регион был единым, хотя бы таким, как при Советском Союзе, нужно, чтобы не только Казахстан развивался или Узбекистан, а развивались все параллельно, осуществляли какие-то взаимные проекты, без разницы, на какой территории, Узбекистана или Таджикистана, нужно, чтобы все вместе участвовали»*. Должна применяться классическая схема – «мы сильны, когда мы вместе».

Отдельные эксперты подвергают сомнению такой подход. Интеграция не является обязательным условием устойчивого развития, считают они. Тем более что в странах региона отсутствуют предпосылки для возникновения угрозы внешнего военного вторжения. Что касается потери экономических, сырьевых, ресурсов, то нынешние режимы сами добровольно продают природные богатства своих стран без всякого принуждения. Поэтому более жизнеспособным представляется вариант, когда страны ЦА взаимодействуют, сотрудничают, но сохраняют государственный суверенитет, не вступая в тесные интеграционные образования. Особенно если учитывать, что интеграция сейчас, чаще всего, рассматривается сквозь призму России, которая способна только силовым методом объединить регион вокруг себя.

Добровольной интеграции с учетом сложившихся обстоятельств в регионе быть не может, убеждены эти эксперты. Поэтому при проектировании будущей модели

взаимодействия стран региона лучше всего говорить о пяти отдельных государствах, которые выстраивают равноправные взаимоотношения в регионе. Интеграция при таком раскладе абсолютно лишняя категория, препятствующая конструктивному восприятию реальности.

Угрозы безопасности региона

Роль внешних игроков при изменении ситуации в Центральной Азии велика, но, по оценкам экспертов, вектор развития любого из государств в регионе определяют внутренние причины. В пример приводится смена власти в Кыргызстане, которая произошла не под влиянием США или России, а, главным образом, из-за внутрисоциальных проблем, существовавших на тот момент. Иначе говоря, при прогнозировании будущего необходимо, прежде всего, отталкиваться от комплекса внутренних угроз.

По результатам экспертного обсуждения было выявлено несколько наиболее значимых угроз безопасности для стран региона (При этом при рассмотрении корпуса угроз всегда необходимо учитывать страновую специфику. Так, одна и та же угроза может иметь совершенно разную степень актуальности для той или иной части региона).

Исламский радикализм

Повышение уровня религиозности населения региона – объективный тренд. Вместе с тем, обращает на себя внимание увеличение количества последователей исламских фундаменталистских организаций, которые ранее не были распространены в ЦА. Опасность этого процесса связывается экспертами с возможной политизацией ислама и появлением мощной политической силы на фоне слабости государственных и общественных институтов. Тем более что уже сейчас исламские организации в Центральной Азии опираются на доступную для широких масс идеологию и пользуются международной финансовой и, возможно, военной поддержкой.

По мнению экспертов, политический ислам в регионе пока еще на стадии становления: он расширяет ресурсную базу, формулирует политические требования и готовит социальную почву, постепенно позиционируя себя в качестве альтернативы светскому государственному и общественному вектору развитию. Для этого в странах Центральной Азии существуют все необходимые социальные и политические условия (бедность, коррупция, имущественная дифференциация и пр). Сформировавшись в качестве политической силы, исламисты будут стремиться к созданию нового государственного объединения на территории Центральной Азии. Пока такая перспектива всерьез не воспринимается, но, по мнению отдельных экспертов, это всего лишь вопрос времени.

Наибольшую угрозу, по оценкам экспертов, исламизация представляет для Казахстана и Кыргызстана, где у населения низкий уровень религиозных знаний и отсутствует иммунитет к фанатизму.

Афганская угроза

Афганская угроза актуализируется в связи с возможностью вывода коалиционных войск к 2014 году. Есть мнение, что бедная и живущая за счет производства наркотиков страна, оставшись предоставленной сама себе, опустится в пучину хаоса (гражданская война). В этом случае, по мнению ряда экспертов, южные границы Центральной Азии превращаются в постоянный источник угроз безопасности для стран региона. Рост числа беженцев и нелегальных мигрантов также возможные последствия дестабилизации Афганистана.

Однако уход США, по мнению некоторых экспертов, не обязательно приведет к негативному развитию ситуации в Афганистане и регионе в целом. Во-первых, полного вывода коалиционных войск из Афганистана не будет, но даже если он состоится, это, наоборот, снизит геополитическую напряженность в регионе, так как сразу "успокоятся" Пакистан, Иран, Китай и Россия. Во-вторых, за последние годы соседние страны (в частности, Таджикистан и Узбекистан) научились строить взаимоотношения с Афганистаном, и у лидеров этих стран есть четкое понимание, какие нужно предпринимать действия, чтобы не допустить эскалации напряженности в этой стране.

По оценкам отдельных экспертов, афганская угроза, при всей ее раскрученности, не более чем миф. По их мнению, происходит специальное «странивание» региона с Афганистаном, чтобы *«направлять защитные действия в регионе в неверном направлении»*.

Наркотрафик

За последние годы практически во всех странах региона наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается экспертами с нерешенностью проблемы наркотрафика из Афганистана. По информации российских экспертов, в Афганистане до того как пришли американцы, в год выращивалось порядка 800 тонн опия сырца, а сейчас выращивается 8 или 10 тысяч тонн. Этот факт преподносится как яркое свидетельство заинтересованности США в производстве наркотиков на территории Афганистана в своих геополитических и экономических целях. Считается, что в настоящее время наркотики – это оружие избирательного действия, используемое западными странами против отдельных государств. В качестве примера российские эксперты отмечают, что Россия сейчас вышла на второе место после Ирана по потреблению тяжелых наркотиков на душу населения.

Однако не все эксперты согласны с такой постановкой. По их оценкам, США не заинтересованы в производстве наркотиков в этой стране, а рост наркопроизводства произошел еще во время советского вторжения в Афганистан (1979-1989 гг.).

Сырьевая «игла» и нестабильность

Все страны Центральной Азии за последние 20 лет сохраняют высокий уровень зависимости от экспорта сырьевых и природных ресурсов: Таджикистан и Узбекистан - газ, хлопок, Казахстан – нефть, газ, металлы, Туркмения – газ, Кыргызстан – золото, электроэнергия. Ситуация относительно стабильна в Казахстане, где за счет более широкого ресурсного портфеля обеспечивается относительно приемлемый уровень

жизни. Но, тем не менее, значительная часть населения региона проживает в бедности и вынуждено выезжать в другие страны в поисках заработков.

В социальном отношении ситуация близка к критической в Таджикистане и Кыргызстане. После пережитых потрясений у этих стран остается некоторый запас прочности. Особенно тревожна обстановка в Кыргызстане, где помимо социальной нестабильности существуют серьезные межэтнические, политические проблемы. Экспертами уже всерьез обсуждаются сценарии развала страны или дестабилизации по примеру Афганистана. В Таджикистане риск дестабилизации связан с внутренними политическими противоречиями. Как свидетельствуют последние события в Горно-Бадахшанской области, в этой стране произошла радикализация местной оппозиции, которая готова к открытому вооруженному противостоянию режиму.

Таким образом, очевидным является преобладание внутренних причин в системе угроз безопасности Центральной Азии. Каждый из вышеописанных факторов, на сегодняшний день, может запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития региона. По оценкам экспертов, самый негативный сценарий для Центральной Азии – это дестабилизация региона в связи с межстрановыми конфликтами, распад той или иной страны в виду внутренних причин, гражданские войны.

Основные сценарии развития региона в среднесрочной перспективе

Ситуацию на ближайшие несколько лет в центральноазиатском регионе будет определять целый комплекс факторов, которые, в оценках экспертов, делятся на 4 уровня:

- Глобальный уровень охватывает изменения, которые происходят или будут происходить в мировой политике и экономике. Понять причину и спрогнозировать последствия событий этого уровня на местном экспертном уровне не представляется возможным.
- Межрегиональный уровень описывает специфику взаимодействия крупных держав между собой, а также с регионом. Имеется общее понимание процессов на этом уровне, но истинные замыслы крупных игроков в Центральной Азии, в большинстве из случаев, остаются вне предела экспертного понимания. Сложился дефицит специалистов и аналитиков по этому направлению.
- Внутрирегиональный уровень. Здесь рассматриваются взаимоотношения между отдельными странами, последствия которых отражаются на ситуации в регионе в целом. Существует достаточно глубокая экспертная проработка вопросов на этом уровне. Как правило, в каждой стране есть целый пул экспертов, специализирующихся на этой тематике.
- Внутристрановой уровень. Самая высокая степень экспертного понимания на сегодняшний день имеется по внутристрановым процессам. Однако оценки на этом уровне часто носят идеологизированный или предвзятый характер в силу занимаемого экспертом статуса и других ограничений.

С учетом этих обстоятельств, прогнозирование ситуации в Центральной Азии даже на среднесрочный период признается экспертами затруднительным. По их оценкам, регион чересчур мозаичен в политическом и экономическом отношениях, а исходная ситуация несет в себе много неопределенностей, неучитываемых факторов и вариантов развития. Тем не менее, анализ текущей ситуации и его экстраполяция на будущее позволяет выделить как минимум 4 сценария развития¹:

Консервативная эволюция

Реализацией сценария рассматривается сохранение имеющихся тенденций во внутри- и внешнеполитической сферах в каждой отдельно взятой стране и в регионе в целом. Способствовать реализации сценария будут такие факторы, как спокойный внешнеполитический фон, доминирование консервативных стратегий у населения и элит, а также безболезненный процесс передачи власти в странах региона. Последний пункт рассматривается как определяющий для реализации данного сценария при условии, что новые руководители сохранят неизменной как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Геополитический расклад в регионе также остается без изменения. Страны сохраняют приверженность многовекторной/многоуровневой политике, удерживают баланс между интересами крупных мировых держав. Каждая страна внутри региона сама определяет, кому отдавать предпочтение в конкретный период игры, с кем поддерживать более тесные отношения, а с кем поторговаться.

Внутрирегиональное сотрудничество будет иметь чисто прагматическое значение. Страны будут решать общие проблемы совместными усилиями по мере их возникновения или обострения. Организации сотрудничества (ШОС, ОДКБ) так и останутся выполнять атрибутивную роль. Интеграционные проекты, спускаемые сверху, будут ограничены экономической сферой, либо вообще прекратят свое существование. Окончательно закрепится тенденция на усиление национальной (этнической) государственности в регионе.

Уровень экономического развития стран региона позволит решать возникающие проблемы социального и иного характера, не прибегая к внешним заимствованиям, способных существенно ограничить суверенитет. Все основные показатели социально-экономического развития будут сохранены. Но при этом не произойдет никаких значительных прорывов в экономике, не будет достижений в производстве, науке и технологиях.

Вероятность реализации сценария в ближнесрочной перспективе оценивается экспертами на 80%. В среднесрочной перспективе она снижается до 50%.

¹ Названия первых двух сценариев заимствованы у российских исследователей К.П. Боршшопец и С.И. Чернявского. Содержательно указанные сценарии, по итогам обсуждения, выявили несколько иную логику развития ситуации в регионе

Внутрирегиональная фрагментация

Сценарий «региональная фрагментация» рассматривается экспертами как доведение до логического конца тренда на усиление изоляционистских настроений в элитах и обществах Центральной Азии. Он станет реалистичным, если дезинтеграция обретет политический смысл и страны Центральной Азии окончательно откажутся от намерений к объединению и созданию каких-либо союзов. Условно, региональная фрагментация – это движение в противоположном от интеграции направлении.

Запустить сценарий может необходимость, к примеру, Узбекистана в срочном порядке решать свои текущие задачи. В условиях ограниченности ресурсов изоляция представляется экспертам наиболее эффективным способом решения внутренних проблем. Кроме того, стремление к изолированию себя от внешнего мира может обуславливаться переходом некоторых стран на этнократическое устройство государства. Опять же при возникновении угроз стабильности режима именно через националистическую риторику можно добиться мобилизации общественных ресурсов.

В целом эксперты признают, что фрагментация региона – это сценарий на «стыке» с первым сценарием, поэтому вполне вероятна их параллельная реализация.

Евразийский Союз

Евразийский Союз – это сценарий интеграции («сшивки») региона усилиями России, стремящейся реализовать имперские амбиции по восстановлению своей прежней геополитической мощи. Результат сценария – создание нового государственного образования на территории бывшего Советского Союза, центральный аппарат которого будет находиться в России.

Для достижения своей цели Россия вступает в сговор с США и получает согласие на индивидуальную игру в центральноазиатском регионе. Тем самым она развязывает себе руки для различных маневров. Для убеждения режимов вступить в Евразийский Союз будет использован широкий арсенал методов. Но главным оружием убеждения останется метод силового давления через различные политические и экономические инструменты, так как сами страны откажутся добровольно признавать единоличную гегемонию России (в особенности, Узбекистан и Казахстан). Однако сопротивление режимов любой ценой будет сломлено.

Вероятность сценария оценивается экспертами двояко: с одной стороны, Евразийский Союз – это уже частично реализовавшийся проект, поэтому остается только ожидать перехода региона на следующий этап интеграции с Россией. С другой стороны, эксперты предполагают возможность мощного сопротивления государств Центральной Азии, которое они могут оказать против интеграции с Россией. Любое принуждение в этой ситуации, с точки зрения экспертов, может привести к обратному эффекту. Даже Казахстан, который уже вступил в Таможенный Союз, не хочет форсировать создание наднациональных форм управления для перехода на более высокий, политический, уровень интеграции. С этой точки зрения вероятность сценария «Евразийский Союз» в среднесрочной перспективе расценивается экспертами невысоко.

Исламский Халифат

По своей сути, сценарий является интеграционным, однако основанием для объединения служат совершенно иные принципы. Результат реализации сценария – создание на территории Центральной Азии исламского государства – единого во всем регионе либо на уровне отдельных стран.

Цепочка возможных событий: на волне увеличения сторонников исламского фундаментализма в странах региона формируется мощная политическая организация, выступающая оппозицией правящим режимам. Низкий уровень жизни, образования основной массы населения, рост имущественного расслоения в обществе, слабость государственных институтов и усиление репрессивного аппарата власти способствуют к еще большему росту популярности исламских организаций. Имея под собой прочную социальную базу и поддержку из других стран, радикальные исламские организации вступают в открытое противостояние с действующими режимами. Призыв свергнуть коррумпированную и несправедливую власть оказывается очень эффективным лозунгом. В результате массовых выступлений происходит революция. К власти приходят исламисты.

В текущей ситуации вероятность сценария рассматривается не более чем на уровне 5%. Но, в отличие от предыдущих сценариев, вероятность «Исламского Халифата» будет возрастать в средне- и долгосрочной перспективе от 5 до 30%, считают эксперты.

Все четыре сценария развития ситуации представляют собой «идеальные» типы. Понятно, что, даже в случае их реализации, в каждой части региона они будут протекать по-разному и приводить к неодинаковым результатам. Поэтому эксперты считают более результативным рассматривать не отдельные сценарии, а их комбинации.

Одной из самых возможных комбинаций является параллельная реализация сценариев «консервативная эволюция» и «Евразийский Союз». Вполне вероятно, что одни страны ЦА будут занимать выжидательную позицию и сохранят склонность к первому сценарию. Скорее всего, захотят оставаться вне интеграционных рамок Узбекистан и Туркменистан. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, наоборот, могут войти в состав Евразийского Союза. При этом не исключено, что с течением времени Узбекистан, столкнувшись с внутренними проблемами, перейдет к стратегии региональной фрагментации.

Кроме этого, эксперты отмечают вероятность реализации таких сценариев, когда происходит переформатирование региона. Оно может носить как насильственный характер (к примеру, через пересмотр границ с ближайшими соседями), так и проходить с использованием «мягких» способов, когда регион меняет прежние границы геополитическим путем. Не исключается случай, когда Казахстан в результате вхождения в Таможенный Союз отделяется от Центральной Азии.

Первые три сценария в принципе не исключают друг друга. Учитывая, что регион все же представляет собой не единое пространство, а является группой из пяти разных стран, использование такого комбинированного подхода при анализ и синтезе представляется экспертам более целесообразным.

Таким образом, можно заключить, что при всей сохраняющейся консервации и стагнации ситуации в Центральной Азии в среднесрочной перспективе открываются широкие возможности для значительных геополитических, политических и социокультурных сдвигов в регионе. С одной стороны, объективные изменения будут происходить в связи с ключевым трендом на дальнейшую фрагментацию и рост изолированности стран региона. С другой, под влиянием внешнего воздействия может запускаться процесс искусственной интеграции региона, который также будет обуславливать ту или иную реакцию на уровне политических элит и обществ. Одновременно в регионе сохраняются различные зоны напряженности, разрешение которых также повлияет на выбор альтернативы развития.

Важный урок последних 20 лет, с точки зрения экспертов, заключается в понимании значимости сохранения устойчивости на уровне региона, которая возможна только через установление стабильных и сильных государственных систем на уровне каждой отдельно взятой страны. Условно говоря, можно сколько угодно повторять о неизбежности «арабской весны» в Центральной Азии, но надо осознавать, что она возможна только в случае наличия соответствующих условий внутри региона. Поэтому вопрос должен ставиться не о том, какие угрозы нас непременно постигнут, если того захотят «большие дяди», а о том, какова устойчивость наших систем перед новыми вызовами все более усложняющегося мира.

В работе дискуссионного клуба «Алатау» приняли участие следующие эксперты:

1. Бисенбаев Асылбек Кнарлович, главный редактор газеты «Комсомольская правда Казахстан», Казахстан
2. Бурнашев Рустам Ренатович, директор по аналитике и консалтингу Института политических решений, Казахстан
3. Карин Ерлан Тынымбайұлы, политолог, Казахстан
4. Карыбеков Эрнест Назарбекович, президент ОФ «Международный общественный фонд «Институт по исследованию проблем водопользования и водно-энергетических ресурсов ЦА», Кыргызстан
5. Кушкумбаев Санат Каирслямович, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Казахстан
6. Орлов Дмитрий Геннадьевич, Генеральный директор аналитического Центра «Стратегия Восток-Запад», Кыргызстан
7. Пастухов Евгений Александрович, заместитель главного редактора журнала «Центр Азии», Казахстан
8. Сафаров Сайфулло Садулоевич, заместитель директора Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан
9. Собянин Александр Дмитриевич, руководитель службы стратегического планирования Ассоциации приграничного сотрудничества, Россия
10. Эксперт (Узбекистан)

Текст доклада по результатам экспертных обсуждений подготовлен ОФ «ЦСПИ «Стратегия»